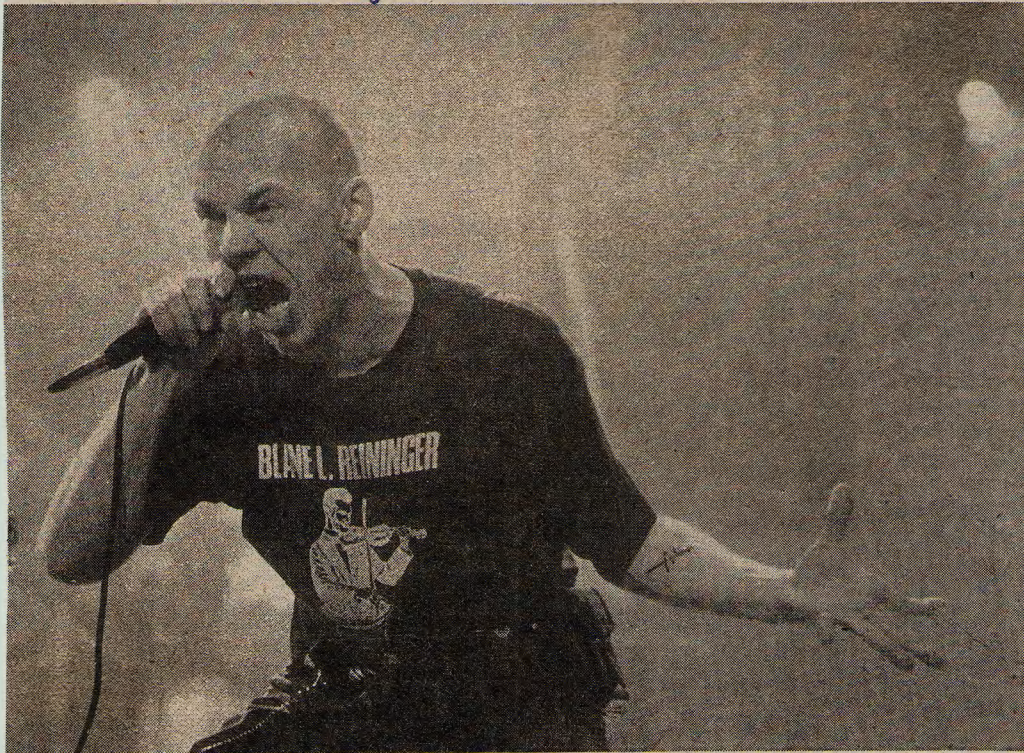

Вех. клуб. — 1995. — 21 нояб. — с. 7

Александр Ф. СКЛЯР:

В Кремль я пошел бы только за Мальтийским крестом

— «Какой жуткий голос!» — морщусь я. «Какой обалденный голос!» — как всегда, в пик мне говорит дочь. Это мы слушаем по «Радио Максимум» передачу солиста «Ва-Банка» Александра Скляра «Учитесь плавать». Каждый четверг он представляет здесь самые интересные и крутые рок-группы. А 24 — 25 ноября в «Горбушке», то бишь в ДК им. Горбунова, впервые проводит знаменательный фестиваль «Учитесь плавать», где и выступят неконформистские, некоммерческие группы, именующиеся альтернативными.

— «Ва-Банку» скоро десять лет, мы и по Западу поехать успели. И я понял, что там некоммерческое искусство, несмотря ни на что, существует. Там огромное количество групп, которые не стремятся стать Майклами Джексонами. Зарабатывают только на жизнь. У нас же до настоящего момента ситуация такая, что честные музыканты жить на свои деньги от музыки не могут.

— Так, может, не нужны они никому, эти альтернативные музыканты? Чему это альтернатива? Голый вызов радио-и телепошлости? Вот мои дети включают телек и орут: «Мама, иди скорее, тут Укупник — это атас! Ой, Буйнов, Апина какая-то! Сташевский, во, приколы!»

— Если честно, я и сам не понимаю, что движет большой прослойкой абсолютно ничемных людей, которых почему-то называют музыкантами. Понятно, что музыка для них — бизнес. А что еще-то? Укупник... Да я вам таких же минимум пару сотен сразу назову.

— Дело уже дальше зашло. Видели, как Игорь Николаев наяривал на «рояле» песню о родине на концерте «Наш дом — Россия»? Прямо как Пахмутова в застой. Интересно, он сам-то себе нравится?

— Я думаю, наверное, он все-таки кайфует. И тогда это печально... Ну зачем нам с вами о них говорить?

— Я просто пытаюсь выяснить, что вы вкладываете в понятие «альтернатива». Ваши группы не подпадают, скажем, под фестиваль Дмитрия Ухова «Альтернатива», опекаемый Союзом композиторов.

— Давайте возьмем мировую рок-музыку. Там существует столбовая дорога — мейнстрим. Брюс Спрингстин, «Роллинг Стоунз» теперь уже, «Куин», без сомнения; сегодняшний Маккартни. Я эту музыку называю «гладкокожая». Гладко — и никаких вызубрин. Когда-то все они были революционерами. А теперь их записи выпускают фирмы-мегамоности, на них делают гигантские деньги. И вот катится по инерции это гигантское колесо... Но современную музыку на самом деле двигают уже не они! А теперь главное: всегда, на

всех этапах развития музыки находятся другие музыканты, которые стоят на обочине, по обе стороны от этого мейнстрима. Где-то в тиши, без шумихи разрабатывают новые идеи. Такие новые веточки.

— Вы какую ухватили?

— Ту, которая противостоит агрессии индустриального города. Мы живем в Москве, в мегацентре, мы задавлены этим монстром. Ручеек, который меня интересует, — это очень жесткая, по-своему агрессивная музыка. Ответ на бунт машин, который еще только начинается.

— Я живьем слышала все группы вашего фестиваля — «Консоль», «Крокодайл», «Эпилепси Баут», «Чикатило Буллз», «Ай-Эф-Кей», «Швах», «Наив». У них «металлическая» основа, по поводу которой мир стонал, что это — тупик рок-музыки. Значит, они взяли эту «тяжелую» основу, чтобы мордой в морду, что ли?

— Мейнстрим существует и в тяжелом роке: «Металлика», «Блэк Саббат», «Лэд Зепелин», «Дип Пепл». Но и эти классики «металла» новых идей уже почти не рожают. И альтернативные группы разрабатывают тяжелый рок уже в идейном плане.

— Мне-то показалось, идейная основа у них одна: отходняк по родителям. Два года назад я впервые услышала в «Секстоне» группу «Консоль». Помню, на их вокалисте Гарики была настоящая бабушкина вязаная шапочка. Смех смехом, только искренности и, пардон за комсомольский термин, поиска в этом вызывающем грохоте было куда больше, чем в телевизионной пошлятине. Но долго слушать трудно.

— Ну кому-то кажется, что нынешнюю конфликтность между человеком и цивилизацией вообще не нужно отражать. Тогда они слушают Джорджа Майкла — мейнстрим. А для честного музыканта — как живешь, то и играешь. Я в профессиональную музыку пришел поздно, в 28 лет. К тому времени Джими Хендрикс, один из гениев XX века, уже не жил, а умер он в 27 лет. Вот мне сейчас 37 — и я

Клубные встречи

думаю: елки-палки, все, чем я восторгаюсь у Пушкина, он уже к этому возрасту написал...

— Безутешные сравнения.

— Утешаюсь тем, что еще не все стоящие люди к моему возрасту умерли, Высоцкий, например. Так вот, я, «переросток», решил тогда: нет времени ни на ерунду, ни на расслабуху. И создал группу «Ва-Банк», бросив все к чертовой матери.

— Теперь понятен смысл названия.

— Правда, идея зарабатывать на жизнь музыкой тогда казалась просто утопической. А доходным мейнстримом заниматься было неинтересно. Мне интересна музыка экстремальная, стоящая почти на грани. Когдаходишь на сцену — и у тебя после двух-трех аккордов отрывает башню.

— А в 86-м году кто считался у нас мейнстримом?

— Скажем, «Машина времени». Она и теперь мейнстрим, только ситуация меняется очень быстро, и Макаревич — вроде как уже и не рок.

— А правда, что до «Ва-Банка» вы были дипломатом и работали в Китае?

— В Корею, после МГИМО.

— Не может ли так случиться, что вы вдруг все бросите и вернетесь в теплый штиль дипломатической работы?

— Обратной дороги нет. Понимаете, есть неконформизм юношеский. Легко быть нон-

воевать их доверие. Мне эти ребята из альтернативных групп нарисовали, как они пытались куда-нибудь пробиться. Фотографию в газете опубликовать — миллион. Страницу текста — сто долларов. Одному солисту предложили выступить по ТВ в «Белой вороне» (название-то какое!). Но шепнули на ушко: «Два миллиона». Или три, не помню. Потому и слушают те, кого еще не оболванили, «Учитесь плавать» да «Программу А». Но вы как, уже чувствуете себя мэтром на вершине неслыханного энергетического Олимпа?

— Какой я мэтр, я сам себя все время ощущаю в движении! Но мне кажется, я представляю, как сделать это альтернативное направление хотя бы самокупаемым. Это одна из целей фестиваля.

— Объединитесь — и куда двинетесь? Повидала я в ночных клубах, и как подорожки пиво хлеблют, и как легкая наркомания в воздухе витает. Правда, завидую немножко им. У нас вообще никаких клубов в этом возрасте не было. Так, сопки подтирали по подворотням да семечки лужали на последнем сеансе в кино.

— Я очень надеюсь, что фестиваль «Учитесь плавать» перерастает в движение. Вот видите — фирма «Фили» выпустила к нему компакт-кассету и компакт-диск. И тут на них эмблема такая: сломанный шприц и надпись «Стоп Мэднесс» — «Остановим безумие». Это знак международной кампании против наркомании. Когда человек не один, ему легче бороться.

— А у вас дети есть?

— Сыну девять лет.

— И что бы вы предпочли: чтобы он был дипломатом или неконформистом, у которого одни айсберги на пути?

— Чтобы он был порядочным человеком по жизни. Интеллигентным и образованным. Чего бы я категорически не хотел, так это: а) чтобы он употреблял наркотики, и б) был зависим от алкоголя. Все остальные требования не категоричны.

— А татуировки? У вас их одна, две, три...

— Я первую татуировку сделал, когда это еще не было модно. «Заклеймил» себя как музыканта. Тут написано по-древнегречески: «Неотвратимая судьба». Когда мне очень плохо в жизни или я запутываюсь, мне достаточно посмотреть на нее и вспомнить нечто такое, о чем я забыл в нашей быстротекущей жизни. А другая — недавняя: «Too Late» — «слишком поздно». Это мое жизненное кредо. Без объяснения. Если сын, когда вырастет, захочет сделать тату — это еще не трагедия.

— Голова у вас бритая, майка черная, словечки «фишка», «в лом», «башня»... А у вас есть костюм, галстук? Вот позовут в Кремль получать какой-нибудь орден Дружбы народов — в чем пойдете?

— В Кремль я, скажем, не пойду. Ну разве что наградят таким орденом, какой я захочу получить.

— А именно?

— В мире есть парочка орденов, которые я хотел бы получить. Мальтийский крест, например. Я бы тогда не то что костюм надел — специально бы сшил то, чего требует церемония.

— Так есть костюм или нет?

— Все выкинул, оставил одну тройку. Последний раз надевал на крестины дочки друга. Хотя если бы я даже в трусах пришел, он бы ко мне хуже относиться не стал. Но момент был особенный.

— Вы всегда выступаете там, куда приглашают?

— Бывает, что и откисываю. Хорошее имя создается годами, а испортить его можно одним неверным жестом.

— А вам еще не предлагали агитировать молодежь, которая голосовать, по моему, вообще не собирается?

— Приглашали вести на ТВ цикл из четырех предвыборных передач. Я отказался. Юра Шевчук, по моему, тоже. С нами вообще без мазы об этом говорить.

Пыталась врубиться
Наталья ЗИМЯНИНА.

А дома я завела Скляра: «Если я не стану тем, кем я хотел бы стать, я предпочитаю просто замолчать... Ну а пока задом наперед я буду жить как жил. Я буду делать все, все, все, все наоборот». Голос как голос. Скляр, конечно, не соловей. Так и Высоцкий, кажется, не в Ла Скала пел.

На снимке: Саша Скляр с дедушкой Виктором Петровичем Колчиным, который первым одобрил его решение стать музыкантом. 1961 г.

конформистом, когда ты и так внизу и у тебя ни кабинетов, ни лимузинов. Другое дело — когда ты там, наверху, уже побывал и сознательно от этого отказался.

— Не зарекайтесь.

— Мидовская среда была настолько иерархической, полувоенной...

— А-а, значит, хлебнули свободы и оценили.

— И оказался весь в проблемах молодежи. Изгоем среди своих преуспевающих сверстников.

— У молодежи проблемы неразрешимые. Сегодняшние тинейджеры выросли в относительной свободе. И что же? Свобода, свобода... Вдруг — бац! — армия. И ты уже раб. Пуще того — может, убийца.

— Все это я чувствую — по письмам, по звонкам в «Учитесь плавать». Когда вопросы накопились, я со всеми желающими встретился. Стрелку забил на лужайке у ЦДХ. Человек триста пришло, я сидел в центре, было ужасно интересно.

— Вы мне не говорите, как тяжело за-